

ЛИНГВИСТИКА

Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 124–134

Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 124–134

<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-124-134>

EDN: APWBXZ

Научная статья

УДК 811.112.2'25:821.161.1.09-1+929Пушкин

Лингвосоциокультурные аспекты перевода поэтических текстов прошедших эпох (на примере переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на немецкий язык)

Н. Л. Шамне , М. В. Милованова

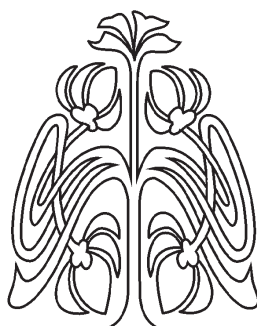
Волгоградский государственный университет, Россия, 400062, г. Волгоград, Университетский пр-т, д. 100

Шамне Николай Леонидович, доктор филологических наук, профессор кафедры иноязычной коммуникации и лингводидактики, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

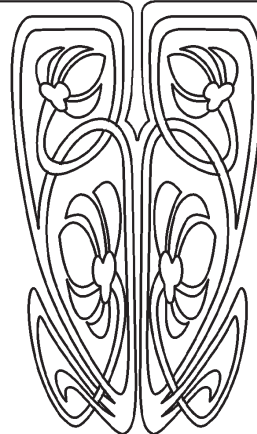
Милованова Марина Васильевна, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Аннотация. В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты переводоведения: адекватность перевода поэтических текстов в рамках языковой пары «русский язык – немецкий язык» на примере перевода романа «Евгений Онегин» А. С. Пушкина. Описываются основные сложности при переводе поэтических текстов: необходимость адекватной передачи не только содержания, но и художественной формы, разнородность исходного и переводящего языка, а также учет культурно-языкового пространства, особенно применительно к текстам прошедших эпох. В качестве материала исследования были взяты указанное произведение А. С. Пушкина и его переводы на немецкий язык: один из ранних переводов начала XX в. Теодора Комишо и последний на сегодняшний момент перевод Виктора Приба. Выделяется три группы лексики, вызывающей наибольшие трудности при переводе романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: славянизмы, русизмы, маркеры эпохи. Проводится сопоставление приведенных переводов. В частности, анализируются отдельные примеры перевода славянизмов, выполняющих функцию поэтизмов либо используемых для создания определенного стилистического эффекта; русизмов, передающих культурно-исторические реалии, а также выполняющих стилистические функции; маркеров эпохи, представляющих собой единицы и выражения, которые ассоциируются с определенным хронологическим периодом, в данном случае – с пушкинской эпохой. Устанавливаются различные способы передачи реалий, явлений и фактов другой культуры: адаптивный перевод, приближающий перевод, динамическая эквивалентность, прагматическая эквивалентность, генерализация; отдельно выявляются случаи семантического искажения, невыраженной стилистической тональности и лакуарности. Делается вывод о целесообразности использования приема лингвокультурного комментирования при переводах объемных поэтических произведений.

Ключевые слова: перевод, способы перевода, поэтический текст, славянизмы, русизмы, маркеры эпохи

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Для цитирования: Шамне Н. Л., Милованова М. В. Лингвосоциокультурные аспекты перевода поэтических текстов прошедших эпох (на примере переводов романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин» на немецкий язык) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2025. Т. 25, вып. 2. С. 124–134. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-124-134>, EDN: APWBXZ
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Linguo-sociocultural aspects of the past eras' poetic texts translation (on the example of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* German translations)

N. L. Shamne ✉, **M. V. Milovanova**

Volgograd State University, 100 Prosp. Universitetskii, Volgograd 400062, Russia

Nikolay L. Shamne, nikolay.shamne@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

Marina V. Milovanova, mv_milovanova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6198-6972>

Abstract. The article examines theoretical and practical aspects of translation studies: the adequacy of poetic texts translation within the language pair “Russian – German” using the example of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* translation. The paper describes the main difficulties in translating poetic texts: the need for adequate conversion of both the content and the artistic form, the heterogeneity of the source and target languages, as well as the cultural and linguistic space considerations, especially with regard to texts from past eras. The material of the study was the above-noted work of A. S. Pushkin and its translations into German: one of the early translations of the 20th century by Theodor Komischo and the latest translation to date by Viktor Prib. The research distinguishes three groups of vocabulary that cause the greatest difficulties in translating the novel by A. S. Pushkin *Eugene Onegin*: Slavisms, Russianisms, markers of the era. A comparison of the provided translations is carried out. In particular, the article analyzes individual examples of Slavisms translations that function as poeticisms, or are used to create a certain stylistic effect; Russianisms that convey cultural and historical realities and also perform stylistic functions; markers of the era, units and expressions that are associated with a particular chronological period, in this case the Pushkin's era. The article establishes various ways of translating realias, phenomena and facts of another culture: adaptive translation, approximating translation, dynamic equivalence, pragmatic equivalence, generalization. It also identifies cases of semantic distortion, unexpressed stylistic tonality and lacunarity. The study concludes that it is advisable to use the technique of linguistic and cultural commentary when translating large volumes of poetry.

Keywords: translation, ways of translation, poetic text, Slavisms, Russianisms, markers of the era

For citation: Shamne N. L., Milovanova M. V. Linguo-sociocultural aspects of the past eras' poetic texts translation (on the example of A. S. Pushkin's novel *Eugene Onegin* German translations). *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2025, vol. 25, iss. 2, pp. 124–134 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2025-25-2-124-134>, EDN: APWBXZ

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Введение

Одной из актуальных проблем теории и практики перевода продолжает оставаться проблема перевода поэтических текстов, поскольку здесь перед переводчиком стоит сложная задача: адекватно передать не только содержание, но и художественную форму произведения с целью сохранения эстетического воздействия на адресата. Как в свое время заметил немецкий журналист и переводчик Вильгельм Эмануэль Зюскинд, переводчик в области художественной литературы сам должен обладать писательским талантом [1, р. 85]. Художественный перевод – это воссоздание произведения словесного искусства на основе другого языкового материала [2, S. 47]. Таким образом, переводчик несет ответственность не только за адекватность передачи содержания, но и за то, чтобы стиль, тон, настроение были правильно воспроизведены. Поэтому он

должен владеть не только соответствующим иностранным языком, но прежде всего родным языком, особенно литературным, причем с учетом его исторического развития.

Проблема перевода художественных текстов неоднократно обсуждалась в научной литературе, прежде всего, в двух аспектах: с точки зрения возможных способов преодоления времени и пространства и с точки зрения формы и содержания с учетом различных языковых систем [3–6].

Особые трудности в практике перевода вызывает разнородность исходного и переводящего языка, например аналитических языков (немецкий язык) и синтетических языков (русский язык), особенно применительно к поэтическим текстам, где требуется также соблюдение рифмы. Переводчик при работе с поэтическими текстами постоянно сталкивается с множеством ассоциаций, многогранностью образов, богатой идиоматикой и стилистикой, в

результате буквальность перевода практически невозможна. Однако, перефразируя В. Зюскинда, который также много говорил о проблеме литературного перевода [7], подчеркнем, что если автор оригинала пользовался всем богатством своего родного языка, следовательно, переводчик также должен использовать все имеющиеся в его языке возможности.

Авторы художественных произведений любых эпох пишут для читающей аудитории своего времени, своего языкового ареала и своей культуры. Поэтому художественный текст отражает как личность автора, так и пространственно-временной континуум, в котором он находится. Именно это и создает принципиальные проблемы перевода, ведь система «я–здесь–сейчас» (личный, пространственный и временной дейксис по К. Бюлеру [8]) оригинального текста должна стать понятной для читателей другого времени, места и культурно-языкового пространства. Как подчеркивают К. Бюриг и Й. Ребайн, переводчик выполняет две роли: слушателя на исходном языке и говорящего на целевом языке [9].

Таким образом, исходя из лингвистических и прагматических аспектов перевода, наиболее трудными оказываются переводы художественных текстов прошедших эпох. В этом плане особенно важным является перевод текстов, входящих в золотой фонд русской культуры, поскольку именно они отражают так называемый русский дух. И если говорить о поэзии, то следует обратиться прежде всего к проблеме перевода текстов А. С. Пушкина.

Материал и методы исследования

В 2024 г. мы отмечали 225-летие со дня рождения А. С. Пушкина. Любой язык за такой длительный период времени, безусловно, изменяется. Переводы первой половины XX в., конечно же, будут отличаться от современных. Как сказал специалист в области литературного перевода Фридман Апель, перевод никогда не бывает законченным [10, S. 132].

С учетом обозначенной проблематики рассмотрим лингвистические и культурно-исторические аспекты перевода произведений А. С. Пушкина на немецкий язык на примере романа «Евгений Онегин» (фрагменты) [11]. Таким образом, цель исследования – сопоставить

исходный текст с целевыми текстами (переводы 1947 г., 2018 г.) в рамках языковой пары «русский язык – немецкий язык».

Отдельно заметим, что поэтических переводов романа «Евгений Онегин» на немецкий язык не так и много, учитывая время его создания. Одним из наиболее известных и распространенных является перевод Теодора Комишо – немецкого слависта, переводчика русской классики, исследователя. Первый перевод появился в 1916 г., затем периодически выходили переиздания и редакции (1923, 1938, 1947, 1958, 1965 гг. и др.). Другие переводы – Манфред фон дер Ропп и Феликс Зелински (1972 г.), Рольф-Дитрих Кайль (1980 г.), Ульрих Буш (1981 г.), который попытался сохранить пушкинскую рифму; Сабина Бауманн с соавторами – сохранение строк, но без учета рифмы. И наконец, последний перевод – Виктора Приба (2018 г.).

Материалом исследования послужили ранние переводы Теодора Комишо (издание 1947 г.) [12] и последний перевод романа – перевод Виктора Приба (2018 г.) [13].

В исследовании были использованы общенаучные методы описания, анализа, синтеза, обобщения и собственно лингвистические методы – элементы метода компонентного анализа, сопоставительный метод, метод контекстуального и стилистического анализа.

Результаты

В рамках обозначенной темы остановимся на трех группах лексики, представленных в романе А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: славянизмы, русизмы и маркеры эпохи, которые и вызывают, прежде всего, трудности в процессе перевода и напрямую связаны с лингвосоциокультурными аспектами.

1. *Славянизмы.* Данная группа лексики широко представлена в творчестве А. С. Пушкина. По мнению Б. А. Успенского, славянизмы являются у Пушкина «знаками той или иной культурно-идеологической позиции, которая определяет перспективу повествования» [14, с. 174]. Рассмотрим отдельные примеры.

1.1. Славянизмы могут выступать в характерологической функции, создавая романтическую окраску образа. Рассмотрим переводы фрагмента из текста (о Ленском).

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Он верил, что друзья готовы За честь его приять оковы, И что не дрогнет их рука Разбить сосуд клеветника (гл. 2, VIII) [11, с. 39]	Er glaubte dran, dass sich die Freunde Für seine Ehr' zu sterben freuen, Es wird nicht zittern ihre Hand Zu schlagen den Denunziant (Друзья будут рады умереть за его честь, и их рука не дрогнет ударить доносчика) (здесь и далее перевод наш. – Н. Ш.) [13, S. 45]	Er glaubte, treue Freunde ließen Sich gern für ihn in Ketten schließen Und seien hilfreich jederzeit Zu Beistand in Gefahr bereit (Верные друзья охотно позволяют ради него заковать себя в цепи и будут всегда готовы помочь ему и поддержать в опасности) [12, S. 288]

Однако в переводах на немецкий язык романтически возвышенная окраска не прослеживается так ярко. В. Приб использует приближающий перевод, производя определенные лексические трансформации, в данном случае выражение *приять оковы* заменено на близкое (в переводе «умереть за его честь»), но в оригинале речь идет не о смерти, а о несвободе, заточении, т.е. долгих мучениях; в переводе Т. Комишо этот смысл передан более точно. Выражение *разбить сосуд клеветника* у обоих переводчиков представляет собой адаптивный перевод, который не передает глубокий смысл оригинала. Церковнославянское выражение «разбить сосуд клеветника», по мнению Ю. М. Лотмана, выступает в значении «разбить оружие клеветы» [15, с. 593]. В словаре

И. И. Срезневского, а также в Словаре русского языка XI–XVII вв. *сосуд* в качестве одного из значений имел значение «орудие, инструмент», причем И. И. Срезневский отдельно выделяет переносное значение [16, т. 3, ст. 834–835; 17, вып. 26, с. 228]. В данном случае выражение не означает физической расправы, а предполагает, что друзья вступятся за его честь и «разобьют» клевету. Но в переводах, как мы видим, это не находит отражения.

1.2. В ряде случаев славянизмы используются для создания определенного стилистического эффекта, например выражают иронию. По словам В. В. Виноградова, в такого рода случаях представлено явление «иронического сцепления семантических неравноностей» [18, с. 238]. Приведем фрагмент характеристики Онегина.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Всего, что знал еще Евгений, Пересказать мне недосуг; Но в чем он истинный был гений, Что знал он тверже всех наук, Что было для него измлада И труд, и мука, и отрада, Что занимало целый день Его тоскующую лень, – Была наука страсти нежной... (гл. 1, VIII) [11, с. 14]	Wo er im Geiste doch war heiter, Was er so wusste tief und breit, Seit Kindheit trieb ihn wie Verrückten, Zu tun und Schmerz gab, machte glücklich Und seine träge Faulheit Beschäftigte die ganze Zeit, War Lehre holder Leidenschaften... (С детства его нечто заставляло как сумасшедшего делать то, что приносило ему боль и счастье...) [13, S. 10]	Noch Weitres dieser Art zu melden, Erübrigt sich und führt zu weit. Doch was den Genius meines Helden Mehr dartat als Gelehrsamkeit, Was ihm seit frühen Jugendtagen Zur Quelle ward von Lust und Plagen, Wodurch er sich zur Leidenschaft Aus leerem Nichtstun aufgerafft – War – daß er um die Triebe wußte... (То, что с ранней юности стало для него источником наслаждений и мучений...) [12, S. 259]

В данном контексте рядом с нейтральной и разговорной лексикой (*недосуг, лень*) славянизм *измлада* усиливает иронию по отношению к главному герою, который больше всего преуспел в любви. Отметим, что в переводе В. Приба, напротив, представлена обиходно-бытовая конструкция *Seit Kindheit* (с детства), в данном случае перевод Т. Комишо в большей степени приближен к оригиналу, поскольку выражение *seit frühen Jugendtagen* (с ранних юных лет) относится к высокому стилю, однако ирония в обоих переводах не отражена, поскольку

стилистический контраст не прослеживается.

1.3. Славянизмы используются также как поэтизмы, в такого рода случаях они передают определенную культурно-идеологическую позицию автора. Так, А. С. Пушкин сознательно поэтизирует деревню, крестьянский быт и на этом фоне контрастно, непоэтично рисует помещичий быт. Заметим, что за использование славянизмов в бытовых контекстах А. С. Пушкин, как известно, подвергался критике современных литераторов. Приведем фрагмент текста и переводы.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
1) Зима!.. Крестьянин, торжествуя, На дровнях обновляет путь; Его лошадка, снег почуя, Плетется рысью как-нибудь; Бразды пушистые взрывая, Летит кибитка удалая; Ямщик сидит на облучке В тулупе, в красном кушаке (гл. 5, II) [11, с. 94–95]	1) Der Winter!.. Bauer bahnt in Eile Im Schnee auf Schlitten seinen Weg. Laut schnarchend, traben seine Gäule, Für Schnee sich freuend unterwegs. Ein Schlittenzelt flitzt wagemutig, Im Schnee macht Spuren, neue Routen. Jamschik sitzt schneidig auf dem Bock Mit rotem Schal aufm Schaffellrock (Зима! Крестьянин торопливо прокладывает себе дорогу через снег на санях. Его лошади несутся рысью и громко храпят, радуясь снегу) [13, S. 120]	1) Winter ...! Der Landmann hat im Schlitten Nun wieder herrlich freie Bahn; Sein Rößlein stampft mit kurzen Tritten, Die Nüstern blähend, durch den Plan. Wie prächtig die Kibitka drüben Dahinsaut, daß die Flocken stieben; Der Kutscher, der die Zügel führt, Im Pelz, mit rotem Gurt umschnürt. (Зима! У селянина вновь чудесный свободный путь. Его лошадка идет коротким шагом, раздувая ноздри, по ровной местности) [12, S. 353]
2) В избушке распевая, дева Прядет, и, зимних друг ночей, Трещит лучинка перед ней (гл. 4, XLI) [11, с. 89]	2) Die Jungfrau spinnt, fühlt sich geborgen Und singt. Ein Kienspan hellt die Nacht, Ein Freund, der über Winter wacht (Дева прядет, чувствует себя защищенной и поет...) [13, S. 113]	2) Jetzt schnurrt das Spinnrad, Mägde singen, Und durch das niedre Stübchen streut Der Kienspan Winters Heimlichkeit (И вот мурлычет прялка, горничная поет...) [12, S. 346]

В данном случае в первом примере перед нами – поэтический высокий слог (*торжествуя, обновляет путь, бразды пушистые* и т.д.). В переводе В. Приба полностью отсутствует эта поэтичность, торжественность не выражена, более того, переводчик допускает ряд фактологических ошибок: представлено множественное число Gäule – лошади, которые, в отличие от оригинала, радуются снегу. Помимо этого на ямщике (передано транслитерацией) – «красный шарф» (буквально), т.е. неверно переведены реалии, можно сказать маркеры эпохи (об этом мы будем говорить ниже). Т. Комишо предлагает приближенный перевод, в результате прилагательных и поэтической номинации лошади – *Rößlein* выражена определенная приподнятость, однако реалии, хотя и переданы максимально

близко, все-таки обнаруживают неточности, поскольку *Pelz* – это не тулуп, а шуба.

Во втором примере поэтизм *дева* передан точно в переводе В. Приба, немецкий эквивалент *Jungfrau* также имеет книжную окраску; в переводе Т. Комишо представлена семантическая трансформация, поскольку эквивалент указывает на пространство (крестьянский быт) и социальный статус – *Mägde* (горничная, прислуга, работница и т.п.), т.е. здесь перед нами прагматическая эквивалентность, установка на адресата, соответственно, поэтика остается не выраженной.

В данной группе мы рассматриваем проблему передачи на немецкий язык славянизмов, но на контрасте с предыдущими примерами приведем описание помещичьего быта, которое автор намеренно дает в сниженном контексте.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
В глуши что делать в эту пору?.. Читай: вот Прадт, вот W. Scott. Не хочешь? – поверяй расход, Сердись иль пей, и вечер длинный Кой-как пройдет, а завтра тож, И славно зиму проведешь (гл. 4, XLIII) [11, с. 90]	Verbleib' wie Einsiedler zu Hause Und lies: da Walter Scott, hier Pradt! Das willst du nicht? – Dann prüfe hart Die Bücher, trink, lass Abend sausen, Ein Tag vergeht dann zwei, dann drei... So ist der Winter schnell vorbei (Сиди дома, как отшельник, и читай: вот Вальтер Скотт, здесь Прадт! Ты этого не хочешь? – Тогда проверяй внимательно книги, пей, пусть вечер промчится, Потом пройдет день, затем два, затем три... И так зима быстро закончится) [13, S. 114]	Da heißt es denn zu Hause bleiben Und mit dem Pradt und Walter Scott Und Rechnungskram, du lieber Gott, Sich irgendwie die Zeit vertreiben, Bis stumpf und dumpf nach langer Frist Der Winter überstanden ist (Так что придется оставаться дома с Прадтом и Вальтером Скоттом и с хламом счетов, Боже мой, чтобы как-то скоротать время до окончания скучной и унылой зимы) [12, S. 347–348]

В представленном фрагменте А. С. Пушкин использует просторечные, разговорные выражения: *вот, кой-как, тож*, иронизируя над жизнью высшего общества в деревне. В переводах данные оттенки прослеживаются слабо: у Т. Комишо бесцельность и атмосфера скуки передана с помощью переводческой компенсации – введения в текст оборота *du lieber Gott*, у В. Приба в большей степени перевод приближен к оригиналу, поскольку используется разговорная безглагольная конструкция *da Walter Scott, hier Pradt!* Однако перевод окончания фрагмента не передает всей иронии описываемой ситуации.

Таким образом, анализ переводов показал, что передача дополнительных смысловых от-

тенков, окрасок славянизмов остается либо полностью не отраженной, либо отраженной частично.

Обратимся ко второй группе – русизмам.

2. В рамках группы *русизмов* рассмотрим отдельные примеры, в составе которых присутствует разговорная лексика.

2.1. Употребление разговорной лексики, так же как и славянизмов, может носить иронический характер. В частности, в следующем примере, приведенном в таблице, сочетание разговорной лексемы простонародного характера с книжной лексикой при описании главного героя выражает иронию автора.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Онегин был, по мнению многих (Судей решительных и строгих), Ученый малый, но педант (гл. 1, V) [11, с. 13]	Onegin war, nach Meinung vieler (Gericht mit strengen Utensilien), Gelehrter, aber auch Pedant (Онегин был, по мнению многих... Ученый, но и педант) [13, S. 8]	Onegin war nach Ansicht vieler (Berufner Kenner, streng subtiler) Ein kluger Kopf, wenn auch Pedant (... Умница, хотя и педант) [12, S. 257–258]

Лексема *малый* в значении существительного представлена в словаре В. И. Даля: «парень, молодец; молодой человек; слуга, прислужник» [19, т. 2., с. 763], т.е. обозначает человека из народа. В сочетании с лексемами *ученый* и *педант* как раз и выражена ирония. Однако в переводе В. Приба, как мы видим, представлена лакуна, в результате данные смысловые оттенки остаются не переданными. Перевод Т. Комишо приближен к оригиналу, здесь используется частичный эквивалент – синонимичное выражение *Ein kluger Kopf* – *умница*, имеющее разговорную окраску.

2.2. Интерес представляет следующий пример с использованием диалектной лексемы *зюзя*: «псковское слово зюзя и его варианты... значат “свинья”, известно и другим говорам» [20, с. 275]. Как отмечает Ю. М. Лотман, *как зюзя пьяный...* – «выражение из гусарского языка. Специфически “гвардейский язык”, имевший, впрочем, характерные подразделения по родам войск и даже полкам, отличался особым синонимическим богатством в описании состояния и стадий опьянения. Выражение ввел в поэзию Д. Давыдов» [15, с. 669]. Приведем характеристику Зарецкого.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
И то сказать, что и в сраженьи Раз в настоящем упоеньи Он отличился, смело в грязь С коня калмыцкого сваясь, Как зюзя пьяный, и французам Достался в плен: драгой залог! (гл. 6, V) [11, с. 114]	Man muss auch sagen: In den Schlachten Erwies er oft zum Tod Verachten, Er stürzte mutig mal direkt Von dem Kalmykenpferd in Dreck, Besoffen, und war von Franzosen Gefangen, ein wertvolles Pfand! (... он мужественно упал с калмыцкого коня в грязь, пьяный, и был пленен французами) [13, S. 148]	Auch einst im Krieg als Reiterhelden Und fiel, berauscht fürs Vaterland, Kopfüber in Franzosenhand – Ein teurer Fang! (И однажды на войне, будучи героем на коне, упал, опьяненный сражением за отечество...) [12, S. 376–377]

В данном фрагменте автор смеется над своим героем, который попал в плен, так как был пьян. В. Приб использует лексему *besoffen*, которая выражает степень сильного опьянения и является грубой сниженной

единицей, таким образом, степень опьянения передана адекватно, однако остается не выраженным культурно-исторический оттенок, т.е. явление так называемого гвардейского языка времен Пушкина. Перевод Т. Комишо

представляет собой семантическое искажение, поскольку в данном случае, напротив, в качестве эквивалента приведена форма от книжного глагола *berauscht* – «опьяненный» (за отечество), т.е. перед нами неадекватный перевод.

2.3. В ряде других случаев также в процессе перевода обнаруживается явление семантического искажения, связанное с незнанием реалий другой культуры, ее традиций, обычаев. Приведем пример описания русского быта, «примет старины», т.е. традиций.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
Они хранили в жизни мирной Привычки милой старины; У них на масленице жирной Водились русские блины; Два раза в год они говели; Любили круглые качели, Подблюдны песни, хоровод; В день Троицын, когда народ Зевая слушает молебен, Умильно на пучок зари Они роняли слезки три (гл. 2, XXXV) [11, с. 51]	Sie pflegten Sitten der Epoche In ihrem Leben, im Gebrauch. Sie aßen in der Fastnachtswoche Die Pfannenkuchen täglich auch. Sie mochten jährlich zwei Mal Fasten, Herum auf Karussellen hasten, Auch Tanz im Reigen, Volksgesang. Sie machten fromm am Pfingsten Gang Mit andrem Volk zu Gottesdiensten, Mit Andren gähnten tüchtig dort, Paar Tränen fließen aufs Morgenrot. (Они соблюдали обычаи той эпохи В своей повседневной жизни. Также ели на масленичной неделе Блины ежедневно. Они постились два раза в год, Катались на каруселях, Также танцевали в хороводе, пели народные песни. Они благочестиво ходили в Пятидесятницу С другими людьми на церковные службы, С другими там тяжело зевали, Роняли несколько слез на рассвете) [13, S. 60–61]	Sie hielten sich im schlichten Rahmen Altbiederer Art behaglich frisch; Stets in der Fastnachtswoche kamen Die fetten Plinsen auf den Tisch, Und zweimal jährlich ging man beichten. Der Mummenschanz und Christmarkt reichten Zu ihrer Kurzweil völlig aus. Am Pfingsttag, wenn im Gotteshaus Die Bauern gähnend Messe hören, Vergossen sie so rührsam nett Paar Tränchen auf ihr Pfingstbukett. (Они держали себя в простых рамках Старомодного бидермайерского стиля, комфортно-свежего; Всегда на масленичной неделе На стол подавались жирные блины, Два раза в год ходили на исповедь. Переодевания с масками и рождественской ярмарки было достаточно для их развлечений. В день Пятидесятницы, когда в церкви Крестьяне зевают, слушая мессу, Проливали трогательно, мило Несколько слез на букет Пятидесятницы) [12, S. 301–302]

В данном случае русизмы передают народные традиции, перед нами некая «картинка», понятная прежде всего носителю языка. Обратим внимание на следующие единицы и выражения: 1) *водились русские блины*; в Словаре русского языка XI–XVII вв. глагол *водиться* в качестве одного из значений имеет «быть в обычае, обыкновении» [17, вып. 2, с. 253], которое в современном русском языке имеет разговорный оттенок. В переводах: *ели / подавались*; 2) безэквивалентное сочетание *подблюдны песни* – это песни, которые входили в обряд святочных гаданий. В переводах: *народные песни / –* (лакуна), во втором переводе – динамический перевод; 3) *говели* – в переводах *Fasten* (соблюдали пост) / *beichten* (исповедавались). В данном случае следует обратить внимание на важность глагола *говеть* при передаче народных традиций, его значение шире близкого глагола *поститься* и означает также не только воздержание от пищи, но и духовное воздержание [17, вып. 4,

с. 51–52]; 4) *пучок зари* – в первом переводе грубая ошибка, поскольку *заря* переведена как *рассвет*. Как указывает Ю. М. Лотман, ссылаясь на исследование А. Б. Зерновой, «заря или зоря – вид травы, которой в народной медицине приписывается целебное действие. Во время троичного молебна девушки, стоящие слева от алтаря, должны уронить несколько слезинок на пучок мелких березовых веток. Этот пучок тщательно собирается после и считается залогом того, что в это лето не будет засухи» [15, с. 608]. Во втором переводе представлено не собственно название травы, а передано функциональное назначение объекта – букет, который предназначался на Троицын день (Пятидесятницу).

2.4. В качестве отдельных случаев, вызывающих особые трудности в процессе перевода, следует привести намеренное употребление просторечных, нелитературных вариантов, например, описание святочных гаданий – служанки гадали и обещали барышням «мужьёв

военных и поход». Комментируя данный фрагмент, Ю. М. Лотман отмечает, что в отдельном печатном издании главы было «мужей», но в издании 1833 г. Пушкин изменил форму на простонародную, введя тем самым в текст точку зрения гадающих служанок [15, с. 608]. В переводе данные стилистические и смысловые оттенки не переданы: *Versprochen... Den Bräutigam vom Militär* (обещали... женихов-военных) / *Ein schmucker Krieger* (воина-красавца).

Другим примером может быть народно-разговорное обращение *Ах, братцы!*, которое выступает «в разговорно-фамильярном обращении к лицам мужского пола» [21, т. 1, с. 161], однако в данном случае, исходя из эмоционально приподнятого контекста (радость автора, что он возвращается в Москву из Михайловского), выражен также ласковый оттенок в обращении. В обоих переводах приведенная конструкция не передана – в первом эквивалентом выступает *Ach, Leute!* (Ах, люди), во втором обращение отсутствует.

Итак, рассмотренные и другие фрагменты показывают, что русизмы, в составе которых

могут быть стилистически окрашенные единицы, единицы, обозначающие реалии русского быта и традиций, при переводе зачастую теряют свою стилистическую окраску, либо, напротив, передаются неадекватно, или в тексте перевода присутствует лакуна, в результате остаются не выраженными соответствующий культурно-исторический фон и культурно-идеологические установки автора.

Наконец, обратимся к третьей группе, в состав которой мы включили так называемые маркеры эпохи, которые могут быть включены в том числе в предыдущие группы.

3. Единицы, которые можно отнести к *маркерам эпохи*, широко представлены в романе «Евгений Онегин». Под маркерами эпохи в данном случае мы понимаем единицы и выражения, которые ассоциируются с определенным хронологическим периодом, в нашем случае – с периодом Пушкина. Рассмотрим в качестве примеров отдельные фрагменты.

3.1. Выделим единицы, обозначающие средства передвижения и реалии, с ними связанные.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
1) Так думал молодой повеса, Летя в пыли на почтовых, Всеvyšней волею Зевеса Наследник всех своих родных (гл. 1, II) [11, с. 10–11]	1) So dachte nun ein Junggeselle, Geeilt im Staub mit Dreigespann , In Zeuses Willen höchst beseligt Als Erbe vom Verwandten-Klan (тройка) [13, S. 6]	1) So machte seine bittren Glossen In Extrapost ein junger Fant, Dem als der Sippe letztem Sprossen Das Glück der Erbschaft vorbestand (скорая почта) [12, S. 256]
2) Встает купец, идет разносчик, На биржу тянется извозчик, С кувшином охтинка спешит... (гл. 1, XXXV) [11, с. 24–25]	2) Stehn auf die Händler, Hausierer, Die Kutschen fahren Börsentiere, Die Milchmagd ist mit Krug zu sehn... (Встают торговцы, разносчики, повозки тянут биржевые лошади (животные), видна молочница с кувшином...) [13, S. 24]	2) Der Kaufmann rüstet, Boten fliegen, Zur Börse rollt's von Droschkenzügen, Die Milchmagd stapft, so schnell sie kann, Durch knarrend frischen Schnee heran (Собирается купец, летят посланники, катятся дрожки на биржу, молочница топаёт ножками как можно быстрее) [12, S. 271]
3) В возок боярский их впрягают, Готовят завтрак повара, Горой кибитки нагружают, Бранятся бабы, кучера (гл. 7, XXXII) [11, с. 144]	3) Und spannt sie ein vor jeden Schlitten, Das Frühstück macht bereit der Koch, Die Wagen sind geladen schließlich, Mit Weibern schimpfen Kutscher noch. (И запрягают их в каждые сани, Повар готовит завтрак, Повозки наконец загружены, Кучера все еще ругаются с женщинами) [13, S. 190]	3) Und schirrt sie an die Schlittenstränge. Die Köche packen Zehrung ein, Man staut die Lasten im Gedränge, Die Kutscher fluchen, Weiber schreien (И привязывают их упряжью к саням. Повара упаковывают еду. Груз складывается в кучу, Кучера бранятся, женщины кричат) [12, S. 411]

В первом приведенном фрагменте отражена особая система передвижения: через равное расстояние на дороге стояли почтовые станции со свежими лошадьми. В первом переводе представлен эквивалент *Dreigespann* – тройка, в

данном случае осуществляется конкретизация, поскольку неслуживший Онегин, как и Пушкин, – чиновник 13-го класса, следовательно, имел право лишь на трех лошадей [15, с. 540]; во втором переводе передана скорость движения.

Во втором примере эквивалент лексеме *извозчик* отсутствует в обоих переводах, вместо этого приводятся средства передвижения – повозки / дрожки (трансформации: лексическое опущение и лексическая замена). Обратим также внимание на перевод такой лексемы, как *разносчик* – в данном случае во втором переводе использовано книжное слово *Boten* – «гонец, посланник», которое не передает значения уличного разносчика. И наконец, в третьем примере представлено

такое средство передвижения, как *боярский возок*, в комментариях Ю. М. Лотмана – экипаж, составленный из кузова кареты, поставленного на сани [15, с. 540]. Однако в переводах используется такая трансформация, как генерализация, в качестве эквивалента – *сани*, т.е. эквивалент не передает специфики данного средства.

3.2. Отдельно можно выделить маркеры эпохи, относящиеся к организации пространства и быта.

А. С. Пушкин	В. Приб	Т. Комишо
1) ...для гостей Ночлег отводят от сеней До самой девичьи. (гл. 6, I) [11, с. 112]	1) Und für die Gäste, kaum noch wach, Bereitet Plätze man vom Dach Bis Flur zu ihrem Schlafen (и для гостей готовят места для сна от крыши до коридора) [13, S. 146]	1) Inzwischen wird bis unters Dach In jedem Winkel von Gemach Ein Heer von Betten aufgeschlagen (и между тем до потолка в каждом уголке комнат армия подготовлен- ных кроватей) [12, S. 374]
2) Усеян площадками кругом, Блестит великолепный дом; По цельным окнам тени ходят, Мелькают профили голов И дам и модных чудаков (гл. 1, XXVII) [11, с. 21]	2) Geschmückt mit Lampen drum herum, Steht schönes Haus, das glänzt und brummt. In dessen Fenstern Schattenwogen (Украшенный лампами кругом, стоит красивый дом, который блестит и гудит. В его окнах качаются тени) [13, S. 20]	2) Besät mit Lampen flammt die Pracht Der stolzen Hausfront durch die Nacht, Und an den Fenstern, Schatten malend (Усыпанный лампами, сверкает ве- ликолепием гордый фасад дома в ночи, рисуя на окнах тени) [12, S. 268]
3) Всё было просто: пол дубовый, Два шкафа, стол, диван пуховый, Нигде ни пятнышка чернил. Онегин шкафы отворил: В одном нашел тетрадь расхода, В другом наливки целый строй, Кувшины с яблочной водой И календарь осьмого года: Старик, имея много дел, В иные книги не глядел (гл. 2, III) [11, с. 37]	3) Ganz schlicht war alles: Eichendiele, Zwei Schränke, Tisch und Stühle, Kein Fleckchen Tinte irgendwo Die Schränke öffnet' Eugen, wo Er fand ein Heft für Ausgaben, Der Fruchtlüköre stolzes Soll, Mit Apfelwasser Krüge voll, Kalender, Jahr acht Ausgabe: Der Alte, haltend viel in Sicht, In andre Bücher blickte nicht (Все было очень просто: дубовые половицы, Два шкафа, стол и стулья... тетрадь расходов, гордое присутствие фруктовых ликеров, Кувшины, полные яблочной воды, Календарь восьмого года выпуска) [13, S. 42]	3) Ein schlichtes Zimmer: eichne Diele, Zwei Schränke, Sofa, Tisch und Stühle, Kein kleinster Tintenfleck zu sehn. Die Schränke prüfend fand Eugen: Hier Wirtschaftsbücher, dort die Spender Des Seelentrostes: Schnaps, Likör Und Apfelwein, ein ganzes Heer; Von Anno acht den Volkskalender... (Простая комната: дубовый пол, Два шкафа, диван, стол и стулья... здесь книга расходов, там «поставщики» для утешения души: шнапс, ликер, сидр – целая армия, и испокон с восьмого года народный календарь Ни единого чернильного пятна не видно...) [12, S. 285–286]

В первом случае нас интересует *девичья* – помещение в барском доме для горничных и дворовых девушек [21, т. 1, с. 617]. Однако оба перевода представляют собой динамический перевод, поскольку передана общая идея того, что занято было все пространство, эквивалент отсутствует. Однако заметим, что само пространство передано неверно, так как у Пушкина – от самого входа до комнаты в глубине, в отдалении (*девичья*); в переводах – с верхних этажей до коридора / в каждом уголке комнат до потолка.

Во втором фрагменте, согласно комментариям Ю. М. Лотмана, *плошки* – это плоские блюда с укрепленными на них светильниками или свечками. Плошками, расставленными по карнизам, иллюминировались дома в праздничные дни [15, с. 577]; эквивалент *Lampen* не передает полностью данную реалию. Прилагательное *цельные* (окна) также имеет значимость в контексте, так как указывает на определенное положение в обществе, поскольку «цена стекла определялась его величиной. Использование

для окон огромных стекол, делавших излишними оконные переплеты, составляло дорогостоящую новинку, которую могли позволить себе лишь немногие» [15, с. 577]. Но в переводах представлена лакуна.

В третьем фрагменте описание помещичьего быта также выполняет определенную смысловую нагрузку. Диван, набитый пухом, в те времена был маркером известной степени комфорта, т.е. в свое время (1770-е гг.) дом дяди Онегина был обставлен в соответствии с требованиями моды [15, с. 588]. *Календарь осьмого года* – это Адрес-календарь – ежегодное справочное издание, содержащее общую роспись чинов Российской империи. В переводах отмечены: семантическая избыточность – Т. Комишо в качестве эквивалента лексеме *наливки* дает ряд единиц *Schnaps, Likör*; семантическая недостаточность – в обоих вариантах отсутствует релевантное прилагательное *пуховый* (диван); а также неверно переданная реалия в переводе Т. Комишо – *Volkskalender* (народный календарь).

Маркеры эпохи, безусловно, выполняют значимую роль в произведении, поскольку передают дух эпохи, определенное время и определенное пространство, выражая зачастую тонкие смысловые оттенки. В переводах, как мы видим, представлены при передаче данных явлений различные трансформации, среди которых частотны генерализация, лакунарность.

Заключение

Итак, как показал анализ переводов, в большей степени стремление передать дух и время пушкинской эпохи характерно для известного перевода Теодора Комишо. Однако, тем не менее, и здесь мы обнаруживаем не всегда последовательную передачу смысловых оттенков, стилистических нюансов, что, в первую очередь, связано с культурно-историческими аспектами перевода. Скорее всего, идеальный перевод в данном случае невозможен, в тексте всегда обнаружатся моменты, которые потребуют субъективного решения. Такие сложные поэтические произведения, как роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин», на наш взгляд, должны сопровождаться комментариями лингвокультурного характера, тем более если переводчик избирает стихотворную форму перевода, а не прозаическую. Как говорил современник А. С. Пушкина Петр Андреевич

Вяземский, который также занимался переводами, в переводе надо пытаться сохранить «запах, отзыв чужбины» [22, с. 34]. Перевод поэзии, особенно знаковой, это очень ответственная деятельность, которая требует от переводчика не только очень уверенного владения языком оригинала исходного текста и литературным языком перевода, но и полного погружения в настроение произведения, понимания стилистики текста и техники стиха.

Список литературы

1. Süsskind W. E. Die Erfahrungen eines literarischen Übersetzers // *Lebende Sprachen*. 1959. Vol. 4, № 3. P. 85–85. <https://doi.org/10.1515/les.1959.4.3.85>
2. Sprachkunst und Übersetzung / Hrsg. von H.-A. Koch. Bern : Peter Lang International Academic Publishers, 1983. 203 S. (Gedenkschrift Ernst Sander).
3. Алексеева И. С. Профессиональный тренинг переводчика. СПб. : Союз, 2001. 288 с.
4. Баишева К. Б. Особенности художественного перевода поэтического текста // *Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема*. 2019. № 2 (35). С. 22–25.
5. Науменко О. В. Особенности поэтического перевода // *Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода : междунар. сб. науч. ст. Вып. 4*. Нижний Новгород : ООО «Альба», 2014. С. 113–118. EDN: UALRGF
6. Belushi Al. A., Zid M. B. The Untrodden Way: Unexplored Challenges in Poetry Translation // *English Language and Literature Studies*. 2016. Vol. 6, №. 4. P. 51–61. <https://doi.org/10.5539/ells.v6n4p51>
7. Süskind W. E., Vring G. von der, Radecki S. von, Kemp F., Krolow K., Leishman J. B., Plard H., Okara G. J., Scheibe E. Die Kunst der Übersetzung. München : R. Oldenbourg, 1963. 205 S. (Bayerische Akademie der Schönen Künste).
8. Бюлер К. Теория языка : репрезентативная функция языка : пер. с нем. / общ. ред. и коммент. Т. В. Булыгиной; вступ. ст. Т. В. Булыгиной, А. А. Леонтьева. 2-е изд. М. : Прогресс, 2000. 501 с.
9. Bühlig K., Rehbein J. Reproduzierendes Handeln. Übersetzen, simultanes und konsekutives Dolmetsch im diskursanalytischen Vergleich. Hamburg : Universität Hamburg, SFB Mehrsprachigkeit, 2000. 70 S.
10. Apel F., Kopetzki A. Literarische Übersetzung. 2, vollst. Neu bearb. Aufl. Stuttgart : J. B. Metzler, 2003. 152 S. <https://doi.org/10.1007/978-3-476-05076-2>
11. Пушкин А. С. Евгений Онегин. Драматические произведения // Пушкин А. С. Собрание сочинений : в 10 т. / под общ. ред. Д. Д. Благого, С. М. Бонди, В. В. Виноградова, Ю. Г. Оксмана. Т. 4 : Евгений Онегин ; Драматические произведения. М. : Гослитиздат. 1960. 597 с.

12. Puschkin A. S. Gedichte, Poeme, Eugen Onegin. Übers. v. Th. Commichau, hg. v. W. Neustadt. Berlin : SWA – Verlag, 1947. 452 S.
13. Eugen Onegin : poetische Übersetzung des Versromans «Evgenij Onegin» v. A. S. Puschkin ins Deutsche. Übers. v. V. E. Prieb. Berlin : GOL, 2018. 165 S.
14. Успенский Б. А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.). М. : Гнозис, 1994. 240 с.
15. Лотман Ю. М. Роман А. С. Пушкина «Евгений Онегин»: Комментарий. Пособие для учителя // Лотман Ю. М. Пушкин : Биография писателя ; Статьи и заметки, 1960–1990 ; «Евгений Онегин» : Комментарий. СПб. : Искусство-СПБ, 1995. С. 472–762.
16. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб. : Изд-е Отд-ния рус. яз. и словесности Императорской акад. наук : в 3 т. 1893–1902.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–30. М. : Наука, 1975–2015.
18. Виноградов В. В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. : Учпедгиз. 1938. 448 с.
19. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 3-е изд., испр. и знач. доп. / под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. М. ; СПб. : Т-во М. О. Вольф, 1903–1911.
20. Мокиенко В. М., Сидоренко К. П. Школьный словарь крылатых выражений Пушкина. СПб. : Нева, 2005. 800 с.
21. Словарь языка Пушкина : в 4 т. / гл. ред. В. В. Виноградов ; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : ГИС, 1956–1961.
22. Вяземский П. А. От переводчика // Констан Б. Проза о любви / пер. с фр., ст. и коммент. В. А. Мильчиной ; «Адольф» в пер. П. А. Вяземского. М. : ОГИ, 2006. С. 29–34.

Поступила в редакцию 03.11.2024; одобрена после рецензирования 01.12.2024;
принята к публикации 10.02.2025; опубликована онлайн 30.05.2025
The article was submitted 03.11.2024; approved after reviewing 01.12.2024;
accepted for publication 10.02.2025; published online 30.05.2025